

Илики становятся светлее

ПРИЗВАНИЕ

Врачевание икон и картин – так определяет суть своей профессии художник-реставратор Ярославского художественного музея Александра Николаевна Клячина.

– Моя работа в чем-то сродни маминной: она была фельдшером и всю жизнь лечила людей, а я лечу картины...

Путь в профессию Александры Николаевны не был извилист. И хотя поступала она в свое время на художественно-графическое отделение Костромского педагогического института с твердым намерением стать учителем рисования, к счастью, вовремя нашла в себе смелость признаться – это не ее призвание.

– Я еще во время педагогической практики, которую, кстати, оценили на «отлично», поняла: с моим характером с детьми будет трудно работать. Ученик улыбнется, и я вслед за ним. Какая уж тут дисциплина?

По окончании института, недолго поработав художником-оформителем, Александра Николаевна пришла в художественный музей на должность научного сотрудника.

Вскоре под руководством Елены Павловны Юдиной она стала обучаться реставрационному ремеслу.

– В Ярославле много реставраторов, и большая заслуга в этом Елены Павловны Юдиной. Да что там говорить: все старшее поколение реставраторов именно ей обязано своей профессией. Она пыталась обучить каждого, кто проявлял хоть малейший интерес к ее ремеслу, а это – огромный труд.

Александра Николаевна оказалась блестящей ученицей – через год она сама возглавила отдел научной реставрации музея.

Реставрация в чем-то схожа с археологией: чтобы добраться до первоначального слоя живописи и понять, что именно относится к авторскому письму, а что – к более поздним записям, специалист должен «пройти» сквозь множество красочных слоев; и реставратор, как археолог, начиная «копать» (то есть раскрывать вещь), никогда не может пред-

положить, что именно его ждет. Был подобный случай и в практике Александры Николаевны.

– У меня в работе находилась икона «Рождество Христово», масляная запись XIX века. И вот когда я решила сделать пробную расчистку сверху иконы, неожиданно вдруг появился... кончик сапога, а там его, понятно, в принципе быть не может! В итоге оказалось, что позднюю запись иконы «Рождество Христово» сделали на иконе «Пятидесятница», причем доску почему-то перевернули вверх ногами...

– И какая икона оказалась более ценной с художественной точки зрения?

– Верхняя запись была очень грубая, я без особого труда сделала расслоение (то есть отделила один слой краски от другого – авт.) и две трети написанного материала перенесла на другую основу. Сама по себе эта запись, сделанная провинциальным художником, не представляла никакой ценности, но мне был интересен сам процесс разделения красочных слоев. Что до «Пятидесятницы», то она была написана раньше, в XVIII веке, и, безусловно, была намного интереснее более поздней записи.

Сегодня для Александры Николаевны, наверное, нет ничего невозможного в сфере ее профессии. Недаром она единственный в области реставратор высшей категории по иконописи, живописи и графике. Именно к ней в работу как в последнюю инстанцию попадают иконы с совершенно осыпавшимся красочным слоем: случалось, доски приносили в кабинет на вытянутых руках, боясь даже дышать в их сторону. А Александра Николаевна умудрялась не только укреплять и подгонять крошечные чешуйки краски друг к другу, но и послоний (!) раскрывать каждый из этих микроскопических фрагментов.

Но если в ходе рассказа у вас сложилось впечатление о профессии реставратора как об исключительно кабинетном, ювелирной кропотливости ремесле, то вы ошибаетесь.

В 70-е годы, когда Александра Николаевна еще только пришла в профессию, реставраторы, художники и искусствоведы, объединившись, время от времени отправлялись в экспедиции по

отдаленным деревням области с целью обнаружения и сохранения икон из разграбленных, закрытых церквей. Происшествия в тех экспедициях случались самые невообразимые. Однажды, например, пришлось Александре Николаевне в компании с Татьяной Львовной Васильевой переходить ночью вброд какую-то речку, потому что никакой транспорт не мог добраться до нужной им деревеньки.

– Были и ситуации, о кото-

ру. Сейчас в это верится с трудом, но я сама была тому свидетелем, и это меня просто потрясло.

Случались и самые настоящие трагедии, когда музейщики из-за распутицы не смогли вывезти иконы из какой-то деревни и местные жители их просто сожгли...

Была Александра Николаевна свидетелем и совсем другого отношения к святыням. Тридцать лет назад в здании Митрополичьих палат прово-

мени, пытались сохранить наше наследие.

Согласитесь, в свете подобной информации профессия реставратора обретает уже несколько иной, уж простите за пафос, гражданский смысл.

Все счастливо найденные тогда на чердаке иконы вошли в фонд Ярославского художественного музея. Сегодня одна из них – большая икона «Страшный суд» – находится на реставрации, над ней работает реставратор высшей ка-

ского, М. Н. Соколова. Александра Николаевна готовила к выставкам ярославские портреты XVIII – XIX веков, которые экспонировались в Москве, Санкт-Петербурге, Минске, Кирове и других городах. Не обошлась без ее участия и подготовка икон к итальянской выставке в Ватикане в 1999 году...

Но вот что удивительно: нисколько не заинтересованная в статистических подсчетах, всех своих «крестников» Александра Николаевна помнит «в лицо» и по возможности отслеживает их судьбу. Хотя это и непросто, так как картины и иконы, ею отреставрированные, находятся не только в Ярославском художественном музее, но и во всех крупных музеях области и за ее пределами.

– За теми иконами, что ходят на экспозиции или в фондах музея, я постоянно слежу, и чуть появится крошечная «шелушинка» – тут же несусь укреплять. Они ведь очень остро реагируют на малейшие колебания влажностного или температурного режима. Вот стоило начаться сильным морозам, падение температуры тут же сказалось на самочувствии икон. Все иконы разные, как люди, у каждой – свой характер, своя особенность. Они – живые и продолжают жить сейчас.

...В эти дни художник-реставратор высшей категории Александра Николаевна Клячина отмечает сразу два юбилея: шестидесятый день рождения совпал с 35-летием ее творческой деятельности. За эти годы ее нравственная, гражданская и профессиональная позиция сохранения нашего наследия неоднократно отмечалась высокими званиями и наградами: Александра Николаевна была награждена почетной губернаторской грамотой, стала лауреатом областной премии им. Барановского в номинации «Реставрация памятников архитектуры и искусства», в 2002 году удостоена звания заслуженного работника культуры. Но вы никогда не поверите, о чем мечтает в эти юбилейные дни всеми уважаемая, состоявшаяся в жизни, судьбе и профессии Александра Николаевна Клячина: чтобы новый день послал ей новую работу и дал шанс вдохнуть жизнь в еще одно произведение искусства. А иначе она не может...

Лариса ДРАЧ.

фото Вячеслав ЮРАШОВА

рых мне и по сей день вспоминать неприятно. Однажды в одной могологской экспедиции из уже разграбленных церквей мы вывезли что-то около пятидесяти икон, которые похитители почему-то не удостоили вниманием. Обратились в администрацию районного центра с просьбой распределить иконы по действующим церквям: по закону мы не могли забрать найденные иконы в музей. И что бы вы думали? Ни один из священников, к которым мы тогда обратились, не осмелился забрать эти иконы, пока не поступила соответствующая директива свер-

дился ремонт, приуроченный к открытию отдела древнерусского искусства. Ремонтировали оба этажа, в том числе и чердак. И тут неожиданно обнаружилось, что деревянный настил на чердаке состоит не из досок, а из икон. Они были укреплены ликами вниз, кое-где даже прибиты гвоздями (но практически не пострадали), сверху доски присыпаны землей, прикрыты – где картоном, где толем, поэтому заметить иконы было очень трудно. Очевидно, что столь необычным способом в 20-е годы прошлого столетия люди, не поддавшиеся веянию оголтелого вре-

тегории Александра Николаевны Клячина. Первоначально икона датировалась XIX веком, но потом под ним обнаружилась запись XVIII века, затем XVII, и, наконец, проступил слой, датированный уже шестнадцатым веком...

Александра Николаевна никогда не подсчитывала количество произведений живописи и иконописи, возвращенных ею к жизни за 35 лет работы реставратором. На ее счету реставрация сотен икон и десятков полотен живописи. Среди последних – работы С. Завязошникова, Л. Ф. Лагорио, В. Н. Бакшеева, Д. Н. Кардов-